

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПИНСКАЯ ЕПАРХИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Факультет педагогики и психологии БарГУ
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

ХРИСТИАНСТВО И ОБЩЕСТВО
(К 1700-ЛЕТИЮ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА)

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17 мая 2013 г.
Барановичи
Республика Беларусь

Барановичи
РИО БарГУ
2013

УДК 27(063)
ББК 86.37
Х93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом учреждения образования
«Барановичский государственный университет»

Рецензенты:

А. В. Литвинский, кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин УО «БарГУ», Барановичи;
В. В. Лозовский, кандидат богословия, протодиакон, Барановичи;
В. К. Борецкая, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии
УО «ГТТУ им. П. О. Сухого»

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), *А. В. Демидович* (отв. ред.), *З. Н. Козлова*, *А. В. Майсюк*

Христианство и общество (к 1700-летию Миланского эдикта) [Текст] : материалы Междунар.
Х93 науч. конф., 17 мая 2013 г., Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.),
А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова [и др.] — Барановичи : РИО БарГУ, 2013. — 170 с. — 200 экз. —
ISBN 978-985-498-536-7.

Включены материалы доклада Международной научной конференции «Христианство и общество (к 1700-летию Миланского эдикта)», в которых проблемы духовного наследия христианства представлены в широком контексте современного социокультурного знания.

Для научных работников, аспирантов, магистрантов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

УДК 27(063)
ББК 86.37

ЗАПАДНОРУССИЗМ В ИСТОРИОГРАФИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО БЕЛАРУСИ С ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЗИЦИЙ

Западноруссизм — весьма влиятельное направление в российской и белорусской общественно-политической и научно-исторической мысли второй половины XIX — начала XX века. Данное направление сформировалось в условиях довольно острого идейно-политического противоборства между пропольскими и проросийскими силами на территории Беларуси, Литвы и Украины — противоборства, нашедшего воплощение в польских восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 годов.

Бурные события, происходившие в рассматриваемый исторический период, актуализировали проблему определения культурно-цивилизационной принадлежности населения территорий, некогда входивших в состав Великого Княжества Литовского («Западной России», по терминологии представителей рассматриваемого направления исторической науки), а затем, после разделов Речи Посполитой, включённых в состав Российской империи. Погибшая Речь Посполитая оставила после себя наследие в виде укоренившегося в регионе польского влияния, а также широко распространявшегося здесь католицизма, как в «классической» римской форме, так и в форме униатства. Это создавало у значительной части российской общественности иллюзорное, но довольно стойкое убеждение в том, что данный край едва ли не изначально являлся польским. Историки-западноруссисты во главе с профессором Петербургской духовной академии (далее — ПДА), уроженцем Белосточины М. О. Кояловичем считали себя призванными разрушить это убеждение и доказать извечную «русскость» региона.

В основу своей системы научных доказательств приверженцы западноруссизма положили славянофильскую философию истории и, прежде всего, её главный тезис о преимуществе православия над западным христианством (католицизмом и протестантизмом). Сам М. О. Коялович недвусмысленно засвидетельствовал верность славянофильским идейным и методологическим принципам — «русскому субъективизму», по его выражению [1, с. 36, 37]. Разумеется, и основанная на глубокой вере внутренняя убеждённости, и социальный статус, и приверженность идеям славянофильства — всё это способствовало осведомлению М. О. Кояловичем истории региона с православных позиций. И в этом исследователь был не одинок. По сути дела, ему удалось создать историческую школу, крупнейшими представителями которой являлись П. Д. Брянцев, П. О. Бобровский, П. Н. Жужевич и К. В. Харлампович. Представлена была данная школа и другими историками. Не все они были учениками М. О. Кояловича, но все они являлись его единомышленниками.

Тезис о православии как важнейшем, определяющем и безусловно положительном факторе истории Беларуси отставался представителями анализируемого направления исторической науки весьма последовательно. К примеру, историческую миссию Руси, а значит, и Беларуси М. О. Коялович видел в решительном противостоянии как Азии, кочевнической и мусульманской по преимуществу, так и католическому Западу [2, с. 62]. Сам факт признания учёным наличия особой миссии у русского народа придаёт его концепции черты виденциализма и телеологичности, однако не стоит этому удивляться и дело здесь не только в убеждениях профессора ПДА. Как это ни странно, в XIX и в начале XX века в Европе, несмотря на развернувшиеся процессы секуляризации, любили порассуждать о «миссии» того или иного народа, его «призвании», «бремени белого человека» и т. д., и т. п. Так что М. О. Коялович не был в этом отношении исключением.

Интересной представляется позиция историков-западноруссистов по вопросу о сущности славянства и о соотносительности этой сущности с духом православия. Не лишённый оригинальности взгляд высказал П. Д. Брянцев, обративший внимание на то, что независимость и анархизм в большей степени выражены у белорусов и украинцев по сравнению с русскими, всегда стремившимися к «высшей абсолютной монархической власти» [3, с. 119, 120]. Таким образом, историк фактически выступил против уже укоренившегося в то время взгляда на белорусов как на крохотких, покорных людей со впалой грудью и колтуном в волосах, — взгляда, в общем-то, выраженного в хрестоматийном произведении Н. А. Некрасова «Железная дорога».

Однако всё же его единомышленники предпочитали не разводило белорусов, украинцев и великороссов по разным ментально-ценностным толкам и подчеркивали, вслед за лидерами славянофильства, изначальною общность славян, естественно и органически преобразившуюся в православную общность [4, с. 4—6]. В связи с этим следует отметить, что, по мнению некоторых современных исследователей, православие и первоначальные славяне обладали особым менталитетом, для которого были характерны такие качества, как нелюбовь к внешним эффектам, простота и неприязнательность, отсутствие излишеств в быту [5]. Если это действительно так, то, вполне возможно, что славянам-язычникам в определённой степени было легко усваивать азы православного верования, — ведь православие всячески подчеркивает безусловный приоритет внутреннего духовного мира над внешним материальным миром. В таком случае тезис М. О. Кояловича и его последователей получает неожиданное подтверждение.

Периоду Киевской Руси представители анализируемого направления в историографии уделяли относительно мало внимания. Возможно, это объясняется тем, что в истории данного периода они не видели особых

внутренних противоречий, своеобразного драматизма. Для них это время было временем распространения и укрепления православных начал на территории Беларуси. М. О. Коялович, правда по несколько другому поводу, подчёркивал мирный, ненасильственный и ненавязчивый характер православного миссионерства в регионе, хотя всё же, по мнению исследователя, миссионерская активность православной церкви могла бы быть более ярко выраженной. Впрочем, учёный делал акцент на принципиальном отличии православного благожелательного христианства от католического «вооружённого миссионерства», осуществлявшегося силами воинско-монашеских орденов, прежде всего, Тевтонского ордена [2, с. 92—96].

Историки ВКЛ и Речи Посполитой исследователи, принадлежавшие к западноруссистской школе, уделяли первостепенное внимание. Именно в данную эпоху, по их мнению, выявлялась главная особенность исторического пути «Западной России» — противостояние русско-православного и польско-католического начал. Следует, однако, отметить, что период от времени Миндовга до Кресской унии 1385 года в изложении сторонников западноруссизма ещё был извлечен от этого противостояния. Объяснялось это тем, что литовцы-язычники и православные русины, несмотря на некоторые эксцессы, вполне ужились и поладили между собой. Политическое первенство в данном симбиозе принадлежало литовской аристократии, а культурное — русскому населению, поскольку оно было православным. П. Д. Брянцев обращал внимание читателей на то, что на заре существования ВКЛ шла борьба между православно-русской и «национально-литовской» партиями, а при первых Гедиминовичах произошло усиление русского влияния, и, опять же, отмечал мирный характер присоединения «русских областей» [3, с. 99, 102—106, 109 (прим. 1)]. По мнению Л. М. Солоневича, представителя младшего поколения западноруссизма (по сравнению с поколением М. О. Кояловича), литовцы, «присоединяя к своему государству русские области, оставляли покорённым полную свободу вероисповедания, не нарушали внутреннего строя их общественной жизни, и даже оставляли в присоединённых русских областях природных русских князей. Вследствие этого русские охотно подчинились Литве, так как не только не теряли от этого подчинения, но ещё находили себе защиту от татар, зависимость от которых была несравненно тяжелее зависимости от Литвы» [6, с. 8]. Интересно отметить, что данный взгляд впоследствии утвердился в большей степени в белорусской национальной историографии, нежели в польской и литовской.

Поворотным моментом белорусской истории учёные, принадлежавшие к западноруссистской школе, считали Кресскую унию 1385 года, поскольку именно с этого события началось широкое проникновение на земли ВКЛ католицизма. Возможно, они несколько преувеличивали значение данного события, ведь, как явствует из их же трудов, победа католицизма в регионе вовсе не была преддана Кресской унией, ибо на территории ВКЛ продолжали действовать разнонаправленные тенденции исторического развития.

Историки-западноруссисты всячески подчёркивали неразрывную связь между процессами распространения католицизма и ополячиванием. При этом надо отметить, что М. О. Коялович не был настроен отрицательно к польскому этносу. В своём курсе лекций по истории региона учёный посвятил одну из них историческому прошлому западной соседки ВКЛ [2, с. 117—141]. В ней Польша предстаёт в роли своеобразной жертвы «латинства». Однако отношение к польской шляхте у М. О. Кояловича и его последователей было определено негативным. Иными словами, польское влияние на общество «Западной России», в представлении сторонников рассматриваемого направления историографии, являлось отрицательным не потому, что оно было именно польским, а потому что оно, во-первых, было сопряжено с распространением католицизма, а во-вторых, несло с собой дух шляхетской анархии.

События XVI—XVII веков историки-западноруссисты придавали особое значение. Для них это было «осевое время» в истории «Западной России». И здесь с ними можно согласиться, зная о насыщенности этого периода самыми разнообразными и противоречивыми событиями и процессами. Сущность их позиции наиболее ярко сформулировал П. Д. Брянцев. Он считал, что после заключения в 1569 году Люблинской унии наблюдались следующие процессы: «Во-первых, усиленное стремление поляков к окончательному уничтожению и тени самостоятельности Литовского государства: для сей цели они в Литовском государстве прежде политическое и гражданское устройство старались заменить польским; во-вторых, принятие поляками разного рода мер к ассимилированию народностей, входивших в состав Литовского государства, с собственно польским населением <...>; в-третьих, страшное восстание русско-православного народа, когда поляки задумали и его слить с собой и для сей цели стали употреблять слишком жестокие меры; в-четвёртых, вследствие фанатизма поляков по отношению к православным, а также упадка нравственности, отсутствия патриотизма и раздвоенности сословий, самым выдающимся явлением в исторической жизни Речи Посполитой в этот период представляется постепенный упадок и разложение обоих соединённых государств, и финалом всего этого была политическая смерть и Литвы, и Польши» [3, с. 376].

Эта позиция вызвала многочисленные возражения специалистов, придерживавшихся иных философско-исторических и методологических принципов. Однако она вполне объяснима, если исходить из того, что каждый историк фактически придерживается той либо иной системы ценностей. Аксиологический подход предполагает, что учёный, изучающий прошлое, вправе давать различным фактам собственную оценку, и зачастую именно она придаёт его исследованию актуальное звучание и вызывает интерес у читателя. Но из этого с необходимостью следует, что он должен признавать за своими коллегами их право на собственную систему ценностей. Историки-западноруссисты неоднократно декларировали свою преданность православию и, соответственно, излагали свои взгляды на прошлое Беларуси по принципу: хорошо всё то, что содействовало укреплению православия. Разумеется, это и вызвало возражения у историков, склонявшихся к позитивизму.

В то же время необходимо подчеркнуть, что такие учёные, как П. Н. Жукович и К. В. Харламович, стремились отойти от некоторой односторонности, действительно присущей их единомышленникам. В частности, П. Н. Жукович сделал небезуспешную попытку избежать прямолинейности при освещении самого трагического с западноруссистской точки зрения события истории Беларуси — заключения Брестской церковной унии 1596 года. Например, исследователь был более сдержан в оценке корыстолюбия православных владык (оно традиционно указывалось в научно-популярной литературе в качестве главного для православных иерархов движущего мотива к заключению унии). По его мнению, «получение сенаторского звания (иерархами униатской церкви — А. Л.) <...> важно было не в личных только интересах владык, но и в интересах самого дела унии, ее целостности и прочности в будущем» [7, вып. 1, с. 146]. Главная же мысль учёного по этому поводу — уния нужна была высшему духовенству, но никак не мирянам, которые, по замыслу ее организаторов, устранились от участия в делах церкви. Из этого логично вытекала интерпретация историком событий расколовшегося на сторонников и противников объединения церковей Брестского собора, ибо на нём столкнулись два разных церковно-юридических подхода. Сторонники унии считали решение пастырей вполне достаточным основанием для её заключения. Их оппоненты, представлявшие паству, были с этим категорически не согласны [7, вып. 1, с. 218—221].

К. В. Харламович не видел непосредственной связи между укреплением влияния католицизма в регионе и полонизацией «западнорусского» народа и в этом отношении отличался от М. О. Кояловича. «Иезуитская школа служила не народу или государству, а римской церкви. Оттого образование, получаемое в ней, носило больше католическо-космополитический характер, чем приспособленный к государственному или народным нуждам», — утверждал историк [8, с. 114].

Впрочем, не стоит преувеличивать различия во взглядах сторонников и последователей М. О. Кояловича. Всё же следует отметить, что различия эти касались отдельных нюансов, так сказать, «полутонов» в понимании истории. Едва ли о какой-либо иной школе в российской и белорусской исторической науке можно сказать, что она была столь же монолитна в своих устремлениях и взглядах, как западноруссистская школа. Сам М. О. Коялович, как и многие его единомышленники, пожалуй, не соответствовал стереотипному образу кабинетного учёного. Представители анализируемого направления историографии являлись активными борцами за торжество православия на белорусских землях. К примеру, М. О. Коялович приобрёл на этой ниве в своё время известность в качестве публициста [9, с. 269—273]. Отсюда проистекала некоторая запальчивость и иногда встречающаяся и в их научных трудах категоричность. Как уже отмечалось выше, во многом это объяснялось ситуацией острого идейного противоборства, происходившего на наших землях в XIX — начале XX века. Во всяком случае, сам факт создания научно-исторической концепции, базировавшейся на принципах православия, представляет несомненный интерес для специалистов в области историографии.

Кардинальная ломка общественно-политической системы Российской империи, произошедшая в 1917 году, прервала западноруссистскую научно-историческую традицию. Однако интересно отметить, что некоторые идеи, последовательно отстаивавшиеся М. О. Кояловичем и его последователями, нашли своё воплощение в советской историографии, прежде всего, тезис об отрицательном значении польско-католического влияния на историю Беларуси. Но при этом была утрачена целостность и концептуальная завершенность, в значительной мере характерная для западноруссистской историографии в её классическом виде. И это не удивительно, так как данная целостность и завершенность базировалась на православных ценностях, отвергнутых советскими историками.

Список цитируемых источников

1. Коялович, М. О. История русского самоземания: По историческим памятникам и научным сочинениям. / М. О. Коялович. — 4-е изд. — Минск: Лучи Софии, 1997. — 687 с.
2. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М.: [б. и.], 1864. — 348 с.
3. Бранцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Бранцев. — Вильно: [б. и.], 1889. — 659 с.
4. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России профессора М. Кояловича / М. О. Коялович. — Новое изд., перер. и доп. с 1-го изд. 1864 — СПб.: [б. и.], 1864. — 349 с.
5. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска / М. Щукин // Стратум. Структуры и каталоги. [Электронный ресурс]. — 1997. — Режим доступа: http://arxiv.org/info/faq_sec/25_sch/uk/ln_1997.htm; http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Rozhdenie_slavyan.pdf. — Дата доступа: 22.07.2012. — Загл. с экрана
6. Солоневич, Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802—1902 / Л. М. Солоневич. — Гродно: [б. и.], 1901. — 106 с.
7. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства в церковной унии / П. Н. Жукович. — СПб.: [б. и.], 1901—1912. — Вып. 1—6.
8. Харламович, К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославленным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле зыткова православия веры и церкви / К. В. Харламович. — Казань: [б. и.], 1898. — 525 с.

Материал поступил в редакцию 22.05.2013 г.